

ТЕОРЕТИК ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(по поводу романов А.К. Шеллера)

"Курьер", 1900 г., No 239

В газетных некрологах, посвященных памяти А.К. Шеллера-Михайлова подчеркивалось преимущественно значение его романов, сказавшееся в их влиянии на молодежь шестидесятых-семидесятых годов. Но этим влиянием значение романов Шеллера далеко не исчерпывается. Правда, его романы утратили свой первоначальный, животрепещущий интерес, правда, теперь ни находят себе восторженных читателей лишь в провинциальной глуши; за то другого рода интерес должен сохранить их от забвения. Они - драгоценные исторические документы: они (мы берем такие произведения, как "Гнилые болота", "Лес рубят, щепки летят", "Жизнь Шунова") повествует о славнейшем, героическом моменте в жизни русской "интеллигенции". Этот момент, помимо прочего богатого культурного наследства, передал потомству один замечательный догмат, имевший долгое время священное обаяние для интеллигентов - догмат о критически мыслящей личности, вершающей судьбы истории. И вот в настоящую минуту, когда вопросы о роли личности в истории, о соотношении, существующем между индивидуумом и общественным организмом, еще не выяснены окончательно, романы Шеллера могут оказать нам великую помощь: содержащийся в них материал позволяет осветить эти вопросы с генетической точки зрения, объяснить лучше, чем многие другие литературные памятники, как и почему в среде русской интеллигенции зародилось и сложилось представление о мыслящей личности, движущей историю.

Оно родилось вместе с появлением на историческую сцену нового типа интеллигенции, которую составили представители различных общественных групп в пятидесятых-шестидесятых годах.

Вглядитесь в пеструю толпу шеллеровских героев: кто они? - сын придворного служителя Рудый, сын торговца Калинин, сын канцелярского служителя Прилежаев, сыновья чиновников Люлюшин и Панютин, сын штаб-ротмистра Прохоров, незаконнорожденный генеральский сын Розенкамф, сын бедного священника Носович, сын малосостоятельного дворянина Шупов.

Эти интеллигенты, или, по терминологии шестидесятых годов, "мыслящие пролетарии", выступили на историческую сцену при исключительных условиях, о которых совершенно не ведали их литературные предшественники: в противоположность Печориным, Рудиным, Александрам Адуевым и другим "лишним людям" эпохи романтизма им пришлось приобретать себе с бою права на существование; в противоположность Костанжогло, Петрам Адуевым, Саксам и другим заводчикам и бюрократам, которых идеализировали трезвые реалисты сороковых годов, они приобрели это право ценой самой тяжелой борьбы за существование.

Здесь мы не будем вскрывать тех исторических, экономических и социальных причин, которые привели к образованию новой интеллигенции: Шеллер в своих романах сосредоточивает внимание исключительно на изображении тех трудностей и терний, которыми была обставлена борьба за существование этой интеллигенции, - интеллигенция разночинцев и "кающихся" дворян. Он описывает гнет материальной обстановки, среди которой росли интеллигенты-разночинцы, описывает ужасы нужды, голода и холода, с которыми им пришлось знакомиться на каждом шагу. Он останавливает свое внимание на том, как ежеминутно интеллигенты-дворяне страдали от предрассудков, составлявших достояние их среды, от фальшивости отношений дореформенной дворянской семьи. Далее все решительно его интеллигенты переживают нравственную ломку, находясь в тисках дореформенного воспитания. И в конце-концов дореформенная среда и дореформенная семья выбрасывают их из своих недр, делают их людьми, не имеющими ни кола, ни двора, принужденными с величайшими усилиями отстаивать свои права на жизнь.

И шеллеровские герои с честью выдержали трудное испытание. Они, как выражается Николай Люлюшин, сами отворили двери будущего, они знают только одно: "что мы сделали, то мы сделали сами... никакие бабушки не ворожили нам, никакие четвероюродные тетушки "со связями" не подсылали различных холопов общества, чтобы расчистить нам дорогу, облегчить нам взобраться по лестнице и растворить перед нами двери".

Путь, которым они шли к этим дверям, способ, которым они растворили эти двери, определил их нравственный облик, их общественное мирозерцание, заставил их выработать своеобразные принципы и убеждения.

Они завоевали себе право на существование, они не погибли в борьбе за свое счастье лишь